

ФИЛОСОФИЯ И НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ

И.В. Ощепков

ТРУДНАЯ ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ: МЫСЛИМО ЛИ РЕШЕНИЕ?

Введение

— Будут ли это две разные вещи — Кратил и изображение Кратила, если кто-либо из богов воспроизведет не только цвет и очертания твоего тела, как это делают живописцы, но и все, что внутри, — воссоздаст мягкость и теплоту, движения, твою душу и разум — одним словом, сделает все, как у тебя, и поставит это произведение рядом с тобой, будет ли это Кратил и изображение Кратила, или это будут два Кратила?

— Два Кратила, Сократ. Мне по крайней мере так кажется¹.

Это рассуждение появляется довольно неожиданно в платоновском диалоге «Кратил», посвященном, как известно, проблеме правильности наименований и толкованию имен. Рискну предположить, что не в меньшей степени неожиданным оно было и для самого автора.

Оно странным образом напоминает современные рассуждения, касающиеся философии сознания. Действительно, если заменить слово «изображение», например, термином «функциональный изоморф», столь любимым Дэвидом Чалмерсом, то сходство с некоторыми «мысленными экспериментами» этого современного исследователя будет вполне очевидным. Да и сама форма рассуждения Сократа в приведенном фрагменте вполне похожа на «мысленный эксперимент».

Есть, конечно, и немаловажное отличие — у двух Кратилов имеется (одна?) душа. Эта деталь, возможно, сделала бы довольно проблематичным дальнейшее развитие данной темы Платоном, если бы он, например, полагал, что такое чудесное удвоение души не только мыслимо, но и возможно. Однако сам факт наличия у них души освободил бы автора диалога от тех подчас неразрешимых трудностей, которые встают перед Чалмерсом и другими исследователями, решающими проблему мыслимости зомби. Действительно, дико было бы, например, представить Платона задающимся вопросом о том, появится ли у Кратила душа в том случае, если бы богу было угодно воспроизвести с величайшей точностью лишь внешний его облик и внутреннее устройство (а душу в него не вложить)². Даже те современни-

¹ Платон. «Кратил» 432б-с. Пер. Т.В. Васильевой.

² Можно предположить, что Платона вдохновляла история спасения богами раненого Энея от преследования Диомедом в Илиаде (III.5.449). Аполлон уносит его в собственный храм, где Лета и Артемида возвращают ему «мощь и красоту». Сам же он в это время, чтобы обмануть воюющих, создает «призрак», «подобие» (*eidolon*) Энея: «Тою порой Аполлон сформировал обманчивый призрак — // Образ Энея живой и оружием самым подобный» (пер. Н.Гнедича). Здесь, конечно, не говорится, придал ли бог этому двойнику душу. По некоторым косвенным признакам можно предположить, что души у него нет (ср., например, интерпретацию этой истории у Вергилия [Aen. x. 636], у которого подобие Энея отличается от живого лишь бессвязной речью). Иными словами, в древности человек мог себе представить «зомби» (вспомнив, например, «живые статуи» Дедала) — существо, ведущее себя как человек, копирующее его поведение, но не обладающее душой. Но помыслить себе самопроизвольное возникновение души без помощи какого-либо бога он вряд ли мог.

ки Платона, которых сегодня принято называть «материалистами», вряд ли могли помыслить самопроизвольное возникновение души в «функциональном изоморфе».

Однако некоторые представители современной аналитической философии, считающие себя наследниками традиции классической, похоже, готовы *помыслить* именно *возникновение* сознания на некоторой материальной основе.

К ним можно отнести и Чалмерса, о котором, собственно, и пойдет речь ниже.

Трудная проблема

Одна из первых статей Чалмерса о «загадке сознательного опыта», опубликованной в 1995 г. в *Scientific American*³, действительно производила скорее впечатление некоей головоломки, упражнения для ума, нежели «трудной проблемы». Более всего запоминались два мысленных эксперимента. Первый был заимствован автором у Джексона, известен как эксперимент с нейробиологом Мэри, и представлен историей об ученой, которая знала все о восприятии и обработке цветовых ощущений, но жила в черно-белой комнате и никогда из нее не выходила⁴. Эксперимент этот был призван показать недостаточность наших знаний о так называемых «qualia»⁵. Собственно, в этом и состояла «трудная проблема» – как возможны qualia? И можем ли мы вообще ответить на этот вопрос?

Второй эксперимент был плодом творчества самого Чалмерса и назывался «Пляшущие qualia». Здесь читателю предлагалось вообразить, что некто создал точную копию зрительной коры его головного мозга, используя для этого полупроводниковые элементы. Эти элементы («чипы») полностью воспроизводят функции нейронов, а также их отношения друг с другом. Было бы абсурдно предположить, считает автор, что при замене обычной зрительной коры на «искусственную» вы увидели бы нечто принципиально иное (фиолетовое яблоко вместо красного)⁶. Таким образом, он иллюстрировал т. н. «принцип организационной инвариантности»: факт существования сознательного опыта и характер его наполненности зависят исключительно от функциональной организации связанной с ним физической системы⁷.

Казалось, эти «эксперименты» отсылали к двум противоположным выводам. Первый предполагал невозможность (научного) знания о субъективном опыте. Второй же, как думалось, указывал, по крайней мере, на мыслимость такого. Действительно, если мы можем вообразить, что в нашем распоряжении имеется функциональный изоморф некоторой части мозга, то уже трудно себе представить, что невозможно найти ни единого способа

³ Chalmers D.J. The puzzle of conscious experience // *Scientific American*. 1995. Т. 273. № 6.

⁴ Ibid. P. 93. См. также: Chalmers D.J. *The conscious mind: in search of a fundamental theory*. N.Y., 1996. P. 91.

⁵ Qualia (ед. ч. quale), лат. «свойства», «качества». Термин, часто используемый в англоязычной аналитической философии сознания для обозначения «доступных лишь интроспективно, феноменальных аспектов нашего сознательного существования» (Tye M. Qualia // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2009 Edition) / Ed. E.N.Zalta (<http://plato.stanford.edu/archives/sum2009/entries/qualia>), а также субъективного опыта в целом. См. примеч. 22. Далее используется без кавычек).

⁶ Переключение с одной зрительной коры на другую производилось с помощью тумблера (Chalmers D.J. *The puzzle of conscious experience*. P. 98).

⁷ Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М., 2009. С. 162.

изучить quale, «реализованную» в отделе мозга, модель которого мы обрели. Собственно, именно в силу этого решение проблемы, сформулированной в статье, представлялось *мыслимым*.

Однако впоследствии стало ясно, что сам автор не видит здесь никакого противоречия, а свою «трудную проблему» действительно считает серьезным вызовом как для науки, так и для философии.

Так, Чалмерс мог бы сказать, что сам факт наличия функционального изоморфа не может решить никаких проблем – ведь в лучшем случае с помощью этого инструмента нейробиолог Мэри могла бы получить все те знания («знания от 3-го лица»), благодаря которым она и стала бы «идеальным нейробиологом», знающим абсолютно все о прохождении нервных импульсов при восприятии цвета. А изоморф занял бы место на полке наглядных пособий, используемых Мэри в ее преподавательской деятельности.

На это возражение однако можно было бы сказать следующее.

В мысленном эксперименте Мэри получала недостающую часть знаний, выйдя из своей черно-белой лаборатории. Но что в этом случае зовется знанием?

Ведь объект научного знания отнюдь не всегда дан науке непосредственно. В качестве примера можно привести элементарные частицы, существование которых предполагается гипотетически, или не наблюдаемые традиционными средствами планеты, орбиты которых вычисляются по косвенным признакам. Иными словами, подобным же образом мы могли бы предъявить претензии о недостаточности знания не только нейробиологу, но и физику, и астроному.

Чалмерса, однако, заботит именно эта недостаточность в отношении сознания⁸. Научное знание он называет «знанием от 3-го лица», недостающее же знание Мэри – «знание от 1-го лица».

Но являются ли эти два вида знаний двумя половинками некоего целого (знания)? По-видимому, нет, т. к. в случае выхода из черно-белой комнаты Мэри все еще не будет иметь возможности выразить «redness of red» на языке науки, как, впрочем, и на любом другом языке. И это несмотря на то, что объект (qualia), казалось бы, дан ей и ее коллегам непосредственно.

Откуда мог бы взяться такой язык? Язык возникает только в ситуации коммуникации. Коммуникация предполагает наличие мира, единого для некоторого числа коммуникантов. В этом мире должны находиться объекты, обладающие, с одной стороны, некоторой стабильностью, а с другой, – такие, которые могут быть доступны для непосредственного восприятия как минимум двоим.

Ничего подобного нет в мире субъективного опыта, qualia – в мире только одного человека, а не нескольких. И это то главное, чего не достает Мэри уже *после* ее выхода из заточения – возможности взглянуть глазами другого. Ведь только в таком случае qualia могли бы стать объектом рассмотрения, относительно которого возможна коммуникация. И только тогда возможно и появление языка. Соответственно, похоже, только в этом случае возможно и научное познание того, что называют qualia.

Видимо, именно из невозможности научного подхода к полноценному изучению qualia исходил Чалмерс, формулируя свою «Трудную проблему».

⁸ В частности, в отношении qualia, к чему мы еще вернемся.

Решение мыслимо

В этом и состояло недоумение относительно «трудной проблемы». Если Чалмерс с такой легкостью может помыслить возможность создания «функционального изоморфа» части мозга⁹, то почему не сделать еще шаг и не представить себе возможность замены одного «изоморфа» другим? А именно, «изоморфа» части мозга (зрительной коры) одного человека «изоморфом» той же части другого¹⁰.

И если это мыслимо, то «трудная проблема» теряла бы свою остроту. Действительно, если у нас есть данные «от первого лица» и данные «от третьего лица», а между ними лежит пропасть («explanatory gap»), то почему бы не предположить возможность получения данных «от второго лица», с помощью которых мы могли бы навести мосты между первыми двумя. Если использовать для иллюстрации все те же грамматические категории, получится следующее: на утверждение «**Я** воспринимаю то-то и то-то» в ходе исследования должно быть получено подтверждение «**Да, ты** действительно воспринимаешь то-то и то-то», и лишь после этого мы имеем право сказать «**Они** воспринимают то-то и то-то».

Иначе говоря, речь идет о теоретической *возможности*, мыслимости, интерсубъективной верификации qualia – один испытуемый воспринимает то же субъективное переживание, что и другой. Когда Чалмерс касается данного вопроса, то спешит сказать, что это вряд ли осуществимо¹¹ и переходит к размышлению, которые кажутся ему более очевидными. Однако ничто в его построениях не говорит о невозможности такой верификации. Скорее, наоборот, вся цепочка допущений, используемых для доказательства принципа организационной инвариантности может быть использована в том числе и для обоснования такой возможности¹².

Допустим, мы можем точно локализовать quale и создать ее функциональный изоморф. У нас есть технология будущего, дающая возможность анализировать всю нейронную активность мозга в режиме реального време-

⁹ Сегодня трудно себе представить полный функциональный изоморф одноклеточного организма.

¹⁰ Конечно, из мыслимости функционального изоморфа напрямую не следует мыслимость замены одного изоморфа другим. Можно представить себе это следующим образом: Чалмерс допускает возможность создания функционального изоморфа; также он допускает и его подключение к мозгу (возможность интерфейса между искусственными и натуральными структурами). Тогда нет ничего сверхъестественного и в мысленном эксперименте с подменой изоморфов.

Так, эксперимент «Dancing Qualia» можно было бы «достроить», просто дополнив его еще одним испытуемым, к которому мы подключим функциональный изоморф зрительной коры другого испытуемого (после подтверждения последним, что он воспринимает яблоко одинаковым образом как в обычном случае, так и с подключенными искусственной моделью его зрительной коры).

¹¹ См., например, Chalmers D.J. The conscious mind: in search of a fundamental theory. P. 247.

¹² Сам принцип организационной инвариантности можно проинтерпретировать следующим образом. Если мы не принимаем дуалистические гипотезы соответствия ментальных и физических состояний – например, потому, что это «требует расточительного нагромождения недостоверных сущностей» (Васильев В.В. Трудная проблема сознания. С. 69) – то остается предположить, что ментальные состояния порождаются мозгом и всецело зависят от него. Мозг – вещь, состоящая из некоторого, хотя и очень большого, но ограниченного числа вещественных же элементов, характеризующихся определенными свойствами и отношениями. Если это так, то, воспроизведя эти вещи, их свойства и отношения, мы воспроизведем и соответствующие ментальные состояния – конечно, при условии полной идентичности стимулов, подаваемых на вход этих двух систем.

ни¹³. Это оборудование позволяет делать пространственно-временные записи обработки информации в головном мозге, карты нейронной активности, сопоставлять такие записи и регистрировать различия между ними. Иными словами, с помощью него мы получаем полную карту прохождения нервных импульсов, включающую как информацию о пространственном положении нейронов, их связей и состояний, так и о том, в какой последовательности воспринятый стимул обрабатывается¹⁴. Теперь представим, что у нас есть два испытуемых. Оба лежат в камерах сенсорной депривации (чтобы легче было проследить нейронную активность при обработке только одного стимула) в специальных шлемах со встроенными экранами, на которые можно выводить различные зрительные стимулы.

Через некоторое время мы начинаем предъявлять им стимул – например, светящуюся красную точку. Одновременно отслеживаем и записываем нейронную активность с помощью нашей системы. Стимул предъявляется многократно – количество предъявлений должно быть достаточным, чтобы после сопоставления полученных карт нейронной активности мы могли бы исключить всю ту «случайную», «шумовую» активность, которая непосредственно не связана с обработкой данного стимула.

Таким образом, и в том, и в другом случае мы получаем самую полную и «чистую» модель quale, причем как в ее «аппаратном», так и в «программном» аспекте – «функциональный изоморф». Теперь осталось помыслить подмену одной модели другой. По аналогии с экспериментом «Dancing Qualia» у Чалмерса мы сначала предъявляем одному из испытуемых тот же стимул, но пустив обработку этого стимула по построенной нами искусственной модели («функциональному изоморфу» его собственной quale) и таким образом убедившись, что он воспринимает стимул абсолютно также. Затем вместо этой модели подключаем модель, полученную на другом испытуемом. Безусловно, представить себе это непросто, как, впрочем, непросто представить и эксперимент с «танцующими qualia». Но если учесть, что описанный выше эксперимент практически во всем аналогичен эксперименту Чалмерса, сам он вряд ли сказал бы, что все это абсолютно немыслимо¹⁵.

¹³ Такие технологии сейчас довольно успешно разрабатываются См., напр., Barth A.L. Visualizing circuits and systems using transgenic reporters of neural activity // Curr Opin Neurobiol. 2007. Т. 17. № 5.

¹⁴ Ближайший аналог – Blue Brain Project: <http://bluebrain.epfl.ch>.

¹⁵ Помыслить это было бы проще, если бы мы представили, что изначально имеем дело с двумя реплицированными мозгами или теми отделами мозга, которыми ограничивается обработка стимула (у Чалмерса это репликант зрительной коры). Ведь заменить одну цепочку на другую, например, в полупроводниковой схеме намного проще, чем в живом мозге.

Из вероятных возражений против такого обмена quale можно упомянуть три. Деннет говорит, что даже если бы интерфейс между двумя людьми для передачи субъективного опыта был возможен, мы просто не смогли бы понять, каким образом им пользоваться: «Допустим, имеется некий прибор, изобретенный нейрофизиологами, который подсоединяется к вашей голове и передает ваши визуальные ощущения в мой мозг <...>. Закрыв глаза, я могу точно описать все, что вы видите. При этом однако я буду удивляться, что вижу небо желтым, траву красной и т. п. Разве это не будет экспериментальным доказательством того, что наши quale различны? Однако допустим теперь, что оператор повернул соединительный кабель, подключив его к разъему «вверх ногами». Теперь я буду говорить, что небо голубое, а трава зеленая и т. п. Какое положение разъема будет «правильным»?» (Dennett D.C. Quining Qualia // Readings in philosophy and cognitive science Goldman A.I. Cambridge (Mass.), 1993. С. 387). Однако в нашем случае это возражение снимается, так как мы всегда можем калибровать наше устройство, предъявляя испытуемым простейшие фигуры и цвета, отслеживая нейронную активность и выявляя таким образом соответствия между двумя картами активности.

С этим, вероятно, согласился бы и В.Рамачандран. В статье с многообещающим названием «Три закона qualia» он утверждает, что «эпистемологические барьеры», якобы препятствующие обмену qualia, являются по большей части выдумкой философов¹⁶. Отрицая какое бы то ни было противоречие в предположении о возможности такого обмена, этот исследователь предлагает простое решение, которое теперь иногда называют «нейронный мостик Рамачандрана».

Проблема невозможности обмена qualia – это для него всего лишь языковая проблема, точнее, «проблема перевода»: нам приходится «переводить» собственные квалитативные состояния как бы на другой язык – а именно, с «языка нейронов» на наш обычный язык, которым мы пользуемся в повседневной жизни¹⁷. Если бы мы могли обойтись без такого «перевода» и позволить нейронам самим общаться друг с другом без посредства языка, то проблема была бы решена¹⁸. Некий «superscientist»,

Другое возражение, высказанное Васильевым и Шумейкером против эксперимента Чалмерса, можно отнести и к данному эксперименту (см.: Васильев В.В. Трудная проблема сознания. С. 166–167; Shoemaker S. Review: On David Chalmers's the Conscious Mind // Philosophy and Phenomenological Research. 1999. Т. 59. № 2): «Замещая нейронную цепь кремниевой, мы переписываем не только наличные ощущения, но и воспоминания о них. Таким образом, в подобной ситуации человек в принципе не может заметить какое-то отличие воспринимаемого им цвета от того, что воспринимался им раньше». В нашем случае испытуемый, которому мы произвели полную подмену, не сможет сказать, что воспринимает стимул иначе. Однако учитывая возможности нашего устройства, нам не обязательно производить именно полную подмену. Ведь мы можем точно локализовать и дифференцировать цепи обработки и хранения, например, попросив испытуемых несколько раз с закрытыми глазами представить себе воспринятый стимул – вспомнить его. Таким образом, достаточно будет воспроизвести только цепи обработки стимула, а воспоминания оставить нетронутыми.

Наконец, кто-то скажет, что мы никогда не сможем удостовериться, что воспроизвели qualia в полном виде – не сможем доказать, что при всех наших ухищрениях в опыте испытуемого не будет оставаться некая приватная часть, не поддающаяся никакому воспроизведению. Но на это можно ответить, что, с точки зрения исследования qualia, нас, в первую очередь, будут интересовать те их качества, которые будут значимо отличаться у разных испытуемых. Иначе говоря, если, к примеру, сообщения двух испытуемых, что они в результате замены видят вещи по-разному, мы можем подтвердить с использованием других методов («методов от 3-го лица»), и наоборот, если выявленные обычными методами различия в субъективном восприятии предметов подтверждаются при обмене qualia, то можно говорить о том, что мы таким образом исследуем именно qualia, а не нечто другое. В конце концов, этот вопрос может быть обращен к самим вопрошающим и сформулирован в стиле Деннета – а что вообще заставляет их предполагать наличие подобных абсолютно «неуловимых» qualia?

¹⁶ «Не настолько уж и велик тот вертикальный водораздел между сознанием и телом, духом и материей» (Ramachandran V.S., Hirstein W. Three laws of qualia: what neurology tells us about the biological functions of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1997. Т. 4. № 5–6. Р. 432).

¹⁷ Ibid. Р. 431–432.

¹⁸ «Язык нервных импульсов <...> – это один язык; а обычный разговорный язык, такой как английский – это другой язык. Проблема X [некоего испытуемого, который беседует с нейрофизиологом, утверждающим, что он знает все о восприятии цвета] состоит в том, что он может рассказать о своих qualia, используя лишь «промежуточный», повседневный язык (когда говорит «Да, но ведь есть еще и субъективный опыт восприятия красного, который ты упускаешь»), и сам опыт восприятия теряется в переводе. Вы просто наблюдаете за некоей совокупностью нейронов, за их импульсами, за тем, что с ними происходит, когда X говорит «красный» [называя воспринимаемый им цвет]. Но при этом предполагается, что то, что X называет субъективным ощущением qualia на веки веков останется исключительно приватным. Мы же утверждаем, что оно будет оставаться приватным лишь пока он использует разговорный язык в качестве вспомогательного» (Ibid. Р. 432).

знающий все о восприятии цвета, но сам цвета не различающий (намек на Мэри), решает эту проблему следующим образом: он просто «берет» кабель, составленный из нейронов и ведущий из области V4 зрительной коры мозга испытуемого X и «подключает» этот кабель к той же области в своем мозге. При этом, как утверждает Рамачандран, исследователь наконец увидит цвета и воскликнет: «О, боже мой, теперь я знаю, что вы имеете в виду, когда говорите об опыте восприятия цвета!». Ведь цепь обработки минует глаза исследователя, недостаток рецепторов в сетчатке которых и приводит к цветовой слепоте.

Сама возможность этого – а он говорит именно о возможности, даже не мыслности – «разрушает аргументы философов относительно непреодолимости барьера»¹⁹.

Таким образом, мы должны усомниться в убедительности мысленного эксперимента с нейробиологом Мэри, если такой авторитет, как нейробиолог Рама, говорит нам о мыслности обмена qualia. Иными словами, нам придется говорить и о мыслности решения «трудной проблемы» сознания в том виде, в каком она сформулирована Чалмерсом.

Решение *не* мыслимо

Вернемся однако к формулировке Чалмерса. С тех пор, как были опубликованы первые его статьи, эта формулировка часто менялась, но первичной все же будет, вероятно, следующая: «Как возможны qualia?», «Что делает их возможным?». Напомним однако, что это формулировка именно «трудной проблемы» сознания.

Между тем первоначально Чалмерс воспринимал эти вопросы как имеющие некоторое отношение к науке²⁰. И вероятно, лишь убедившись в том, что в сфере науки они решены быть не могут, он перешел к философскому их рассмотрению (и как мы видим из нашего предыдущего рассмотрения, такой переход мог оказаться слишком поспешным). По-видимому, Чалмерс предполагал, что если бы проблема qualia была решена, то автоматически решалась бы и проблема сознания.

Но это отнюдь не очевидно²¹.

Здесь видится, как минимум, две проблемы. Во-первых, мы не можем быть уверены, что, решая проблему qualia, мы таким образом решаем проблему сознания, как бы мы ни понимали последнее. Во-вторых, и сама проблема qualia может оказаться сложнее, чем мы в состоянии были предположить. Ведь если мы согласимся с Рамачандраном в том, что обмен qualia возможен, то само понятие qualia становится весьма неполноценным в области науки и крайне бесполезным для философии. Ибо оно не будет соответствовать всем

¹⁹ Здесь он ссылается, в первую очередь, на Серла и Крипке, но имеет в виду, вероятно, именно Чалмерса.

²⁰ Chalmers D.J. On the Search for the Neural Correlate of Consciousness // Toward a science of consciousness II: the second Tucson discussions and debates S.R.Hameroff, A.W.Kasznik, A.Scott. Cambridge (Mass.), 1998; Chalmers D.J. First-Person Methods in the Science of Consciousness, 1999 (<http://consc.net/papers/firstperson.html>); Chalmers D.J. What is a Neural Correlate of Consciousness? // Neural correlates of consciousness : empirical and conceptual questions T.Metzinger. Cambridge (Mass.), 2000.

²¹ См. также: Васильев В.В. Трудная проблема сознания. С. 158.

тем определениям, которые мы привыкли использовать, включая и «законы», о которых пишет сам Рамачандран. В первую очередь, это касается, конечно же, положения о «приватности» qualia²².

Вспомним наш мысленный эксперимент с обменом qualia. Возможно, он несколько более громоздок и менее нагляден, чем подобный эксперимент Рамачандрана; зато в нем реализована та модель знания, к которой Рамачандран стремится. Предлагая читателю почувствовать себя в роли «superscientist», он говорит: «Ваша теория позволяет проследить всю последовательность событий на нейронном уровне, начиная с рецепторов через весь мозг до тех пор, пока вы не увидите ту нейронную активность, в результате которой генерируется слово “красный”». В результате нашего эксперимента мы получили как раз такую модель нейронной активности, реализованную «в железе». Следуя Чалмерсу, мы назвали ее функциональным изоморфом quale.

Представим теперь себе ее в виде черного ящика, с одной стороны которого встроена столь же точная модель глаза испытуемого, а с другой стороны – экран. Когда мы предъявляем глазу красную точку, на экран выводится слово «красный»²³. Мы можем даже при желании обучить нашу машину – подобным же образом – различать три основных цвета и оттенки цветов, заставляя ее выводить соответствующее название на экран.

Теперь предъявим такое устройство сначала Чалмерсу, а затем Рамачандрану, задав им «вопрос в лоб»: является ли то, что происходит в черном ящике во время обработки цветового стимула полноценной реализацией quale?

Можно предположить, что Чалмерсу придется ответить утвердительно – именно такой ответ следует из принятого им принципа организационной инвариантности. Вероятно, он даже может сказать, что эта quale, будучи очищена от всего лишнего, является собой не просто «Я» воспринимающее, но еще и «Я», находящееся в состоянии предельной концентрации внимания на восприятии чего-то одного – светящейся красной точки.

А вот Рамачандран без колебаний ответит отрицательно. Но почему? Ведь и он, как можно предположить, не стал бы спорить с принципом организационной инвариантности. Он особо подчеркивает, что мы не должны сомневаться в полноте наших научных представлений о цветовосприятии в том случае, если можем проследить всю цепь обработки и когда знаем все те законы, которые позволяют нам с точностью предсказать, какое именно название цвета произнесет испытуемый, когда мы ему предъявим соответствующий стимул²⁴. А если так, то можно было бы предположить, что модель, реализующая все эти знания и законы, будет и реализацией quale.

И тем не менее это не quale, т. к. не соответствует «трем законам quale». Действительно, первый «закон» выполняется – quale в нашем случае «не могут быть отменены» (irrevocable). Мы не можем усилием воли заставить себя увидеть, к примеру, желтый цвет вместо синего. Наша машина тоже не может

²² Деннет выделяет 4 свойства quale, традиционно упоминаемые философами: 1) они невыразимы (ineffable) – т. е. они не могут быть как-либо переданы другому индивиду таким образом, чтобы он почувствовал (увидел, услышал) то же самое, что чувствуем мы; 2) они представляют собой «присущие» свойства (intrinsic) – т. е. свойства безотносительные, они не изменяются в зависимости от взаимосвязи опыта с другими объектами; 3) они являются приватными (private) – любые сравнения quale между двумя индивидами теоретически невозможны 4) наконец, они даны сознанию непосредственно (directly or immediately apprehensible in consciousness) – переживание quale предполагает знание о нем, а знание о quale равносильно его переживанию (Dennett D.C. Quining Qualia. P. 385).

²³ Допустим, что в эксперименте мы просили испытуемого каждый раз называть цвет стимула.

²⁴ Ramachandran V.S., Hirstein W. Three laws of qualia: what neurology tells us about the biological functions of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1997. Т. 4. № 5–6. Р. 431.

этого сделать. Выполняется и третий «закон» – qualia должны пребывать в кратковременной памяти, и этим, по мнению Рамачандрана, они и отличаются от бессознательных реакций. Проблема кроется во втором «законе»: qualia не должны инициировать каждый раз одно и то же поведение. А именно это и происходит в нашей qualia-машине: после предъявления ей стимула она может сделать только одно – назвать цвет. Мы же, говорит автор, способны породить бесчисленное множество поведенческих реакций, имея «на входе» некий ограниченный набор qualia.

Тут возникает бесконечное множество вопросов самого разного рода. И первый вопрос будет таким. Итак, мы не должны сомневаться во всей полноте нашего знания – в «дискурсивной» его части – если можем с точностью предсказать, какой цвет будет назван испытуемым при предъявлении ему стимула. И как уже говорилось, qualia-машина является собой именно такой случай полной предсказуемости. Но с другой стороны, по определению (а мы можем видеть, что Рамачандран использует свои «три закона» как определение²⁵), qualia должны инициировать потенциально бесконечное множество поведенческих реакций. Это, в свою очередь, означает, что живой человек, в отличие от нашей машины, может, в зависимости от своей прихоти, отвечать и реагировать как угодно. Он может, например, нарочно отвечать неправильно, называя «зеленый» вместо «красного», «желтый» вместо «синего» и т. п. В таком случае, предсказывать его реакции будет затруднительно, а значит, наша модель quale неверна.

Мы, конечно, можем ответить Рамачандрану, что формально эту трудность в qualia-машине можно обойти. Например, на «выходе» можно было бы поставить генератор случайных чисел, который при предъявлении стимула будет вместо названия цвета выдавать каждый раз некий новый набор символов. В этом случае машина получит способность генерировать бесконечное количество реакций, и все три «закона» будут соблюдены. Но и такое решение ему вряд ли понравится. Тогда придется изобретать новые «законы» – например, добавим «закон» осмыслинности реакций²⁶.

И эти, казалось бы, довольно банальные выводы, приводят нас к следующему: получается, что мы никогда не можем быть уверены в полноте наших знаний о qualia, какими бы эти знания ни были. Свою исследовательскую страсть нейробиолог Мэри не сможет в полной мере удовлетворить ни в том случае, когда узнает все о цветовосприятии, ни в том случае, когда выйдет из черно-белой комнаты, ни даже в том, совсем уже фантастическом, случае, когда сможет увидеть мир глазами Другого.

В своей попытке предельно конкретизировать понятие qualia, Рамачандран предельно его расширяет.

И в случае такого предельно широкого определения любая quale потенциально вбирает в себя всю полноту сознательной деятельности человека. Воспринимая quale в таком виде, о научном знании (по крайней мере, в ближайшей перспективе) мы можем просто забыть, навесив на нее ярлык, например, «сверхсложной вероятностной системы». Если же наоборот мы

²⁵ И видимо, одно из этих определений, выраженное вторым «законом», само по себе некорректно.

²⁶ И у Рамачандрана, по-видимому, есть «заготовки» на этот случай. Во всяком случае, у него прослеживается тенденция сводить сознание в целом к некоторой совокупности переживаний (тех же qualia), присущих любой сознательной деятельности – таких как «чувство единства», «чувство свободной воли», «чувство уверенности в своей правоте» и т. п. (Ramachandran V.S., Hirstein W. Three laws of qualia: what neurology tells us about the biological functions of consciousness. P. 451–452).

ее предельно ограничим – исключительно рамками конкретных механизмов восприятия – то окажется, что она не способна дать нам никаких качественно новых знаний относительно сознания, порождающего потенциально бесконечное число реакций. Точнее, она даст нам информации не больше, чем традиционные эксперименты, в которых мы получаем данные «от 3-го лица».

Тогда мы вынуждены отказаться от убеждения, что проблема qualia хоть сколько-нибудь релевантна проблеме сознания.

Выводы

Итак, мы начали с того, что подвергли сомнению предположение о «трудности» т. н. «трудной проблемы» сознания – в том виде, в каком она сформулирована Чалмерсом. Мы можем помыслить ее именно как техническую трудность – а именно, как проблему возможности обмена qualia. Если такой обмен может быть помыслен, значит, можно помыслить и возможность лабораторного исследования qualia. А именно на невозможности последнего настаивает Чалмерс, формулируя «трудную проблему».

Но затем мы пошли дальше и попробовали представить, что можем получить в результате подобного обмена. Если раньше феномен qualia был для нас чем-то само собой разумеющимся, но при этом весьма неуловимым и ускользающим от непосредственного наблюдения, то теперь наоборот, мы мыслим себе нечто предельно конкретное и наблюдаемое нами непосредственно, но вместе с тем еще более неуловимое, чем казалось нам раньше. Ведь если «приватность» является основным атрибутом qualia, то мы не сможем назвать таковыми все те субъективные ощущения, которыми можем обмениваться. В этом случае нам придется либо смириться с тем, что qualia действительно *по определению* не поддаются никакому анализу и изучению, либо в корне пересмотреть наши представления о qualia (вплоть до полного отказа от каких бы то ни было представлений).

И если выберем первое, то можем оставить, наконец, наши попытки устоять сразу на двух льдинах (как это часто имеет место), уйдя из области науки и предавшись (религиозно-)философским медитациям. А если второе, то и тут нас могут поджидать непреодолимые трудности. Ведь если мы продолжим нашу эквилибристику и скажем, например, что qualia – это все то, что в обычном случае (без применения специальных средств) остается приватным, и при этом будем явным или неявным образом предполагать, что субстратом для возникновения qualia служит исключительно нейронная активность мозга, то нам придется себе представить объект рассмотрения – некую «образцовую» или наиболее типичную qualia, которую часто приводят в качестве примера философы, вроде «*redness of red*» – настолько конкретным, насколько это вообще возможно. Таким образом, мы приходим к примеру с qualia-машиной – это «черный ящик», в котором реализована полная пространственно-временная модель обработки какого-то определенного сигнала мозгом. Но даже при первом приближении (которое и предпринято в данной статье) можно увидеть, что не каждый мыслитель, будь он философ или ученый, сможет с готовностью согласиться, что в такой модели будет действительно реализована quale. И в еще меньшей степени мы будем уверены в том, что эта модель обладает хотя бы зчатками сознания.

В целом можно сделать вывод, что понятие qualia не вполне удачно в силу его крайней неопределенности и мало подходит для рассуждений о сознании. Таким образом, на вопрос, мыслимо ли решение «трудной проблемы» сознания, предварительно можно ответить следующим образом. Если мы ограничим наше представление о сознании лишь субъективным опытом, qualia, то да, мыслимо. Если же под таковым мы подразумеваем нечто неизмеримо большее, то нет.